

М.А. Воронов

Болото

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М11

М11 **М.А. Воронов**
Болото / М.А. Воронов – М.: Книга по Требованию, 2022. – 438 с.

ISBN 978-5-518-10417-4

ISBN 978-5-518-10417-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

СОДЕРЖАНІЕ.

	стр.
Дѣтство и юность	1
Тяжелые годы	181
Петербургскіе типы:	
I. Нашъ общій другъ	223
II. Знакомый незнакомецъ	241
III. Современный Герой	258
Сквозь огонь, воду и мѣдныя трубы	773
Московскіе вертепы:	
Адъ	340
Тишина	351
Арбузовская крѣпость	366

ДѢТСТВО И ЮНОСТЬ.

ИЗЪ ОДНИХЪ ЗАПИСОКЪ

Родился я въ пустынь полудикой,
Я росъ межъ буйныхъ дикарей,
И мнѣ судьба, по милости великой,
Дала въ руководителя псарей.

Н. Некрасовъ.

I

Родился я въ 18... году, августа 1. Такъ гласить календарь, на страницахъ котораго мой отецъ имѣлъ обыкновеніе дѣлать всевозможныя замѣтки, и заносить всѣ свои мысли и чувства. Развернувъ толстую, замасленную книгу на стр. 79, я увидѣлъ цѣлый рядъ іероглифовъ, который, по толкованію людей слѣдующихъ, означалъ:

«Четыре часа вечера. Погода хорошая, дождикъ моросить. Мать (такъ называлъ отецъ свою жеву, мою матушку) родила сына, имя: Михаилъ.

Вороновъ.

Имянины его будутъ праздноваться вмѣстѣ съ другимъ Михаиломъ—старшимъ.»

Затѣмъ слѣдовала выписка изъ календаря, въ такомъ родѣ:

«Родившійся подѣ влияніемъ планеты Сатурнъ бываетъ храбръ и мужественъ, нѣдѣ золь и вспыльчивъ, нѣдѣ добръ и мягкосердеченъ; при умѣренной жизни доживаетъ до 85-ти лѣтъ. Родившійся въ хорошую погоду — сангвиникъ, въ дурную—флегматикъ или меланхоликъ (зри: календарь, стр. 476).»

Гіероглифы продолжались еще нѣсколько строкъ, но никто до сихъ поръ, кромѣ стоящаго въ среднѣ фразы слова «шельма», ничего не могъ разобратъ. Подобнымъ и гіероглифами былъ испещренъ весь календарь, потому что мать моя, женщина тихая и добрая, дарила отцу аккуратно каждый годъ по ребенку, а иногда даже и сокращала этотъ срокъ. Вислѣдствіи, изъ рассказовъ матери, я узналъ, что я родился мертвымъ, такъ что бабушка, принимавшая меня, пророчила, что я не жилецъ на этомъ свѣтѣ. Что было со мною дальше, какъ я росъ—ничего не помню ясно до самаго переѣзда отца съ мѣста моей родины въ одну изъ юго-восточныхъ губерній, гдѣ отецъ мой

поступилъ въ гражданскую службу (прежде онъ служилъ въ военной).

Вотъ наше родословное древо. За краткость свѣдѣній прошу извинить!

Дѣдъ мой, какъ я узналъ стороною, былъ гороховецкій крестьянинъ (Владимірской губерніи). Отецъ самъ не любилъ рассказывать о своемъ первобытномъ званіи и о своихъ родныхъ. «Дѣти болтливы, говаривалъ онъ — пойдутъ толковать да рассказывать, а тамъ, чего добраго, откажутся отъ всего, и отъ отца, и отъ родныхъ, они дескать мужики»... Матушка впоследствии говорила мнѣ, что дѣдъ былъ человѣкъ богатый и могъ бы нанять вмѣсто отца охотника, но отецъ самъ пожелалъ идти въ военную службу. Службу свою отецъ началъ и окончилъ въ кавалеріи, прослужилъ царю и отечеству вѣрою и правдою тридцать лѣтъ. «Я до сорока пяти лѣтъ былъ необразованнымъ человѣкомъ, часто говорилъ онъ намъ въ поученіе: а всегда былъ на виду у начальства и считался добрымъ служакой — Да, если бы не Герасимовъ, обыкновенно прибавлялъ онъ, можетъ быть до сихъ поръ такъ и оставался бы необразованнымъ». Въ самомъ дѣлѣ, Герасимовъ (какой-то военный писарь) оказалъ отцу великую

услугу: онъ научилъ его читать русскія книги (до той поры отецъ читалъ только церковно-славянскія), научилъ его даже налагать свои мысли начертательно, посредствомъ гіероглифовъ, и можетъ быть научилъ бы еще многому, если бы офицерскій чинъ, а за нимъ женитьба не отбили въ немъ охоты къ дальнѣйшему образованію. Кто были мой дѣдъ и бабка по матери, не могу сказать. Помню только, что разъ одинъ изъ моихъ братьевъ, ласкаясь къ матери, наивно спросилъ ее: «кто былъ вашъ папенька?» Услыхавши такой вопросъ, отецъ рѣзко закричалъ любопытному: «Какъ! ты не знаешь, кто были Симеонъ и Ирина?!» Несчастный вадрогнулъ и замолкъ. «Ты не знаешь, продолжалъ отецъ тѣмъ же тономъ, кто были Симеонъ и Ирина, записанные въ поминальной книжкѣ?...» «Дѣдушка и бабушка»... со слезами отвѣчалъ любопытный.» «Ну, такъ чего же спрашиваешь?» замѣтилъ отецъ, опуская глаза на лежавшую передъ нимъ псалтирь. Получивши первый офицерскій чинъ и женившись, отецъ еще съ большимъ рвеніемъ принялся за службу и прослужилъ до штабсъ-капитанскаго чина съ честью и славой. «Тутъ пошли новые порядки, говорилъ обыкновенно онъ: ученыхъ начали вездѣ наби-

рать; пошла эти экзамены разные... ну, и вышелъ въ отставку: вижу, ничего не добьешься»... Строевой службой отецъ мало занимался; вся его дѣятельность поглощалась обученіемъ лошадей, ремонтированіемъ и фуражировкой. Общество его состояло, по преимуществу, изъ людей, подобно ему добившихся офицерскаго чина потомъ и кровью.— «У благородныхъ да у разныхъ экзаменованныхъ одно на умѣ, какъ бы подсмѣяться да подшутить надъ тобою, простымъ человѣкомъ; а свой братъ, дослужившійся, не возгордится... нечѣмъ»... твердилъ отецъ. Вышедши въ отставку, отецъ мой уѣхалъ на югъ Россіи управлять имѣніемъ, гдѣ и прожилъ шесть лѣтъ въ сообществѣ татарскаго мурзы, большаго знатока вина (вѣроятно служителямъ Корана разрѣшается знать вкусъ въ винѣ), постоянно цыанаго лекаря, отставнаго гусарскаго поручика и приходскаго священника, любившаго верховую ѣзду. Скучная, безцвѣтная, а подъ часть и грязная жизнь, общество, стоявшее гораздо ниже моего отца, умѣвшаго, по крайней мѣрѣ, вести разговоръ о винѣ и винѣ,—все это не давало моему отцу равно никакой возможности выйти изъ положенія полковаго вахмистра, понять, что жизнь и потребности семейства стоятъ

нѣсколько выше потребностей конюшенной прислуги и полковыхъ лошадей. На службѣ отецъ не успѣлъ увидѣть порядочной семейной жизни, а вышедши въ отставку, онъ увидѣлъ ее въ такомъ видѣ, что, какъ человекъ неглухой, сразу понялъ превосходство прежней, казарменной, забитой дисциплиною и служебными обязанностями. Грубое, тяжелое обхожденіе съ подчиненными отецъ перенесъ въ семейство, вовсе не думая о томъ, умѣстно оно, или нѣтъ.... Отсюда начинается требованіе полного подчиненія отъ своей жены, грубое обращеніе съ дѣтьми, которыхъ онъ судилъ по военному, и наконецъ, вслѣдствіе всего этого, совершенный разладъ въ семействѣ, члены котораго такъ и рвутся въ разныя стороны, лишь бы представилась малѣйшая возможность къ тому. Связанные съ семьей однимъ только преданіемъ о рожденіи и непремѣнномъ условіи держаться исключительно ей, они стараются быть по возможности рѣже въ ней—такъ противенъ имъ деспотизмъ и тяжелое обращеніе отца!

Проживши шесть лѣтъ управляющимъ, отецъ рѣшился испробовать счастья въ гражданской службѣ, надѣясь получить теплое мѣстечко: притомъ скучная, вѣчно будничная жизнь управляющаго

видимо наскучила, ему. Не долго думая, купилъ онъ фургоны, въ который легко было запрячь всю семью, и отправился искать счастья въ одинъ изъ юго-восточныхъ губернскихъ городовъ. По дорогѣ, какъ рассказывала мнѣ матушка, заѣзжали въ Воронежъ, а оттуда двинулись далѣе. По приѣздѣ отецъ сталъ усердно хлопотать о мѣстѣ, ссылаясь на бѣдность и многочисленное семейство и особенно наирая на множество сыновей, «которые (писалось въ прошеніяхъ) готовы хоть сейчасъ сдѣлаться усердными слугами царю и отечеству» (старшему было лѣтъ одиннадцать). Попытки увѣнчались полнымъ успѣхомъ; открылось мѣсто смотрителя тюремнаго замка, и отецъ получилъ его. Нужно замѣтить, что прежде всего этого, тотчасъ по прибытіи на мѣсто, былъ купленъ домъ, устройствомъ котораго отецъ мой занимался около года; переѣзжая въ тюремный замокъ, на казенную квартиру, отецъ сдалъ его.

Воспоминанія мои, какъ видно теперь, могутъ начаться только съ этого времени, потому что только съ поступленіемъ моего отца въ смотрители острога, я начинаю помнить себя ясно и опредѣленно; вся же предыдущая жизнь моя рисуется какъ бы въ туманѣ, и нѣтъ ни одного

событія, которое запечатлѣлось бы въ моей памяти такъ отчетливо и вѣрно, какъ всѣ приведенныя ниже.

Тюремный замокъ, смотрителемъ котораго былъ назначенъ мой отецъ, помѣщался близъ заставы, на самомъ концѣ города. Онъ считался самымъ большимъ зданіемъ въ городѣ и вмѣщаль въ себѣ болѣе восьмисотъ арестантовъ, хотя выстроенъ былъ только для двухсотъ. Какимъ образомъ помѣщались въ немъ остальные шестьсотъ человекъ, я до сихъ поръ не могу объяснить себѣ... Помню только, что въ нѣкоторыхъ камерахъ сидѣло человекъ по семидесяти, между тѣмъ какъ въ такой комнатѣ съ трудомъ могло бы помѣститься человекъ тридцать. Въ самую жестокую зиму, въ такія камеры вставлены однѣ только зимнія рамы, то есть вторыя, — о существованіи лѣтнихъ не было и помину... Замокъ имѣлъ при себѣ три двора: два переднихъ, обнесенныхъ высокою стѣною, и одинъ задній, окруженный валомъ и рвомъ. На первомъ переднемъ дворѣ помѣщалась кухня и огороженное высокимъ заборомъ мѣсто, на которое выпускали арестантовъ прогуливаться; на второмъ жилъ смотритель въ укрѣпленномъ домѣ съ желѣзными рѣшетками; тутъ же помѣщались арестантская